

«Бога не видел никто никогда»: показал ли нам Иисус Бога?

В первой части Иоан.1:18 сказано о том, что во все времена, Бог оставался скрытым от человеческого взора. Безусловно, это лишь на первый взгляд противоречит ранним утверждениям из Ветхого завета, сообщающих о людях, которые стали участниками богоявления и созерцали Всевышнего (Быт.32:30; Исх.24:9-11; Ис.6:1-5; Иез.1:26-28 и т.д.). Хотя формы и детали богоявлений зачастую совпадают, но иногда они отличаются друг от друга. Важно не забывать, что для максимально объективного истолкования выражения: «Бога не видел никто никогда», необходимо учитывать не только содержание всего пролога (1-18), но и особенности отношений между личностями Божества представленные в Ев.от Иоанна. Исходя из этого, именно во второй части этого текста они ясно обозначены и предвосхищены: «Единородный Бог Сущий в лоне Отца, Он изъяснил\пояснил (гл. ἐξηγήσατο; экзегеомай)». Это необычное заявление смягчает кажущуюся богословскую категоричность в первой части этого текста: «...никто никогда». Стоит подчеркнуть, что идею невидимости Бога ошибочно считают строго отрицательным элементом в отношениях между человеком и Господом. Скорее всего, речь идет о положительной концепции с отрицательным нюансом мотивирующей человека к осмыслению своего положения перед Богом. Итак, каков же смысл Иоан.1:18?

Существует два подхода в интерпретации этого текста. Первый, и самый распространенный, доказывает, что под Богом, подразумевается личность Отца. Андри Баерс, известный представитель данного подхода комментирует этот момент следующим образом: «Иисус и Отец в этом тексте представлены разделяющими божественную идентичность (термин θεός подчеркивает их единство), и в то же время они неразрывно связаны друг с другом, сохраняя при этом различимость между

собой (μονογενής, показатель множественности). Подобное, динамичное сочетание двойственности – единства и множественности, заключено в составном выражении *μονογενής θεός*» (Andrew Byers, *Ecclesiology and Theosis in the Gospel of John*, 2017:34). Ему вторит и Мариан Томпсон в своем комментарии на ев. от Иоанна: «Ясно, что только Сын, непосредственно созерцал Бога, потому что Сын был с Отцом изначально» (Marianne Thompson, *John: A Commentary, New Testament Library*, 2015,36). Совокупную позицию ученых можно зафиксировать парафразом текста: «Бога Отца никто никогда не видел; Единородный Бог Сын в лоне Отца, Он изъяснил». При беглом взгляде на подобную трактовку складывается впечатление, что в Ветхом завете люди удостоивались визуального контакта только с Богом Сыном. И все-таки, в качестве возражения представленному парафразу, как, впрочем, и выводам исследователей, хотелось бы указать на некоторые тексты, игнорирование которых, означало бы поиски своего в этой полемике, а не Божьего. Например, в Дан.7:13 говорится о том, что пророк удостоился чести лицезреть Бога Отца, представленного в образе Ветхого днями. В дополнение к этому в Апок. Иоанна, Бог Отец восседающий на престоле славы, доступен обозрению всем сотворённым существам, включая самого провидца (Откр.4-5; 6:16). В таком случае заявление о том, что достигаемым для ока смертного, был и остается только Бог Сын, необходимо воспринимать с оглядкой на эти случаи. Учитывая эти данные, Иоан.1:18 требует расширенного, уточняющего варианта толкования. Ведь если термин «Бог» в первой части текста соотносится только с Богом Отцом, тогда не только Он, но и Дух Святой, вытесняются из истории взаимодействия с падшим человечеством на задний план. По сути дела, роль Бога Сына подается более выпукло и богословски «рельефней» запечатлевается. Очевидно, что акценты несправедливо смещены. Это не интуитивный вывод, но обобщение, в основе которого лежат представления сторонников данного подхода. Как мы увидим далее, применение термина «Бог» не сводится к одной из трех личностей Божества.

Кстати заметить, в рамках этого подхода существует еще один вариант прочтения обсуждаемой нами фразы: «Бога не видел никто никогда», который заключается в следующем: с онтологической точки зрения (речь идет о бытии Бога, о Его сущности, вне связи с творением), Бога таким, каким Он есть, никто из людей не видел. И лишь тождественный Ему – Единородный Бог Сын узрел тождественного Самому Себе – Бога Отца. В этом случае ударение ставится на исключительной природе взаимодействия между ними. Можно лишь отчасти согласиться с подобным прочтением, так как он не отражает всей богословской информации о Божестве в Евангелии. Как следствие, идеологическая составляющая в Иоан.1:18, истолковывается превратно.

Второй подход основан на понимании значения гл. ἐξήγεομαι (экзегеомай), переведенного в синод. версии гл. «явил» (Иоан.1:18). Подобный перевод с греческого, до сих пор приводит читателей Евангелия в некоторое замешательство: ведь с приходом Христа в этот мир, **Бог так и остался невидимым для человека** (Иоан.5:37;6:46). Как и во времена Ветхого завета, условия лицезрения Всевышнего остались без изменения: в формате безопасном для избранного, и чаще всего в состоянии видения. Нужно отметить, что гл. «явил», этимологично связан с идеей визуализации, демонстрации чего-либо (показать, явить, показаться, явиться; в чешском, болгарском, сербскохорватском, польском), что в корне отличается от базовых значений греческого гл. ἐξήγεομαι (изъяснять, толковать, пояснять). Стоит указать на тот факт, что в Септуагинте (Лев. 14:56; Суд.7:13; 4Цар.8:5; Прит.28:13; Иов.12:8; 28:27), в неканонической лит-ре (1Макк.3:26; 2Макк.2:13), а также в Новом завете (Лук.24:35; Иоан.1:18; Деян.10:8; 15:12,14; 21:19), употребление этого термина обнаруживается в строго коммуникационной сфере. Он не имеет никакого отношения к описанию особенностей физических проявлений сверхъестественных существ в нашем мире. Единственным исключением из этого списка считается Иов 28:27, где говорится о молнии («тогда Он видел ее и явил ее»). Сложно сказать, почему еврейский гл. sḥr (сафар – пересчитать, считать), используемый в математической

плоскости, передан неэквивалентным ему гл. ἐξηγήσατο (экзегеомай). Вероятно, молния как природное явление, выступает в качестве интерпретатора творческой активности Яхве. Итак, в чем состоит принципиальное отличие между толкованием Иоан.1:18 зиждимым на понимании роли и функции гл. ἐξηγήσατο (экзегеомай), и тем, что предлагают сторонники первого подхода?

Воплощенный Бог Сын представлен истолкователем, который не преследовал своей целью визуализировать Бога, но лишь снабдить нас верным пониманием Божества: «Бога не видел никто никто не видел...Он изъяснил». Объектом Его трактовки выступал Бог или же Божество в Его тринитарных отношениях: Отец, Сын, Дух Святой. Невидимое Божество стало доступно через интерпретацию воплощенного Сына: Его слова и поступки «визуализировали», т.е. пояснили не только отношения между тремя личностями Божества, но и содержание их взаимосвязи с падшим миром. Как точно заметил французский исследователь Жан Грожан: «Именно Он пришел в этот мир в качестве экзегета. Только Он мог быть для нас экзегезой Бога. Он, и никто другой, перевел в человеческий опыт то, что Бог говорил о Себе...» (Jean Grosjean, *L'Ironie christique: Commentaire de l'Évangile selon Jean*, 12). С ним соглашается и немецкий ученый Зигфред Шульц: «Откровение для Иоанна существует только в слове, в экзегезе Отца через Сына, который является истинным толкователем». (Siegfried Schulz, *Das Evangelium nach Johannes*, 34). В продолжение размышлений, логично подчеркнуть, что если цель миссии Иисуса ограничивалась прояснением роли Бога Отца, необходимость в столь детальном разъяснении не только Своего участия в плане искупления (Иоан.3:13-17;36;5:19-28;6:27,40,43,53;8:28), но и в прояснении нюансов содействия и соучастия Духа Святого (3:5,6,8; 6:63; 7:39; 14:17, 26; 15: 26; 16:13), отпала бы. **Итак, истолкованная реальность приравнивается к увиденной.**

Именно этого акцента в миссии Христа, ученики так и не уловили. У них была своя, назойливая герменевтика, специфические контуры которой проступали отчетливо в общении с

Иисусом: «Филипп сказал Ему: Господи! покажи нам Отца, и довольно для нас» (Иан.14:8). Очевидно, что их не устраивала ни форма коммуникации с Сыном Божьим, ни безопасно-скептическая дистанция по отношению к Его изложению мессианского плана. Они по-своему хотели управлять границами Божественного откровения, стремясь увидеть Того, Кто стоял за действиями и словами Иисуса. Ответ Спасителя пресекает стремления своих последователей к подобному роду самоограничения: «Видевший Меня видел Отца; ...Слова, которые говорю Я вам, говорю не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела... верьте Мне по самым делам» (Иан.14:9-10). **Дела и слова** – это своеобразный проводник в мир Бога Отца. Следует признать, что это в равной степени относится и к Духу Святому, о котором Спаситель говорил следующее: «Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде ... когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину: ибо не от Себя говорить будет, но будет говорить, что услышит, и будущее возвестит вам. Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам» (16:8,13-14). В связи с чем не мешало бы указать на одну, характерную особенность этого Евангелия: несмотря на то, что пневматология в изобилии представлена как на концептуальном, так и на терминологическом уровнях (термин πνεῦμα [дух], встречается 24 раза), ученики не просили о том, чтобы их Учитель показал им Духа Святого. Что еще раз подчеркивает их искаженное представление о Божестве, и свидетельствует об отсутствии у них глубоких суждений о Нем. Без сомнения, Христос ясно дал понять вопрошавшим, что **слова и дела**, раскрывающие характер Бога, должны признаваться слагаемыми богословского «портрета» не только Бога Отца, но и Бога Сына и Бога Духа Святого. **Всякий слышавший слова Христа и наблюдавший за Его делами – видел Бога в Его тринитарных отношениях.** Нужно заметить, что упоминание этих двух религиозных основополагающих элементов Богопознания, вполне согласуется с ветхозаветной концепцией «слушания». Известно, что главным религиозным органом в древнем Израиле считалось «ухо» («слушай Израиль...», Втор.6:4), которое исключало необходимость в созерцании Вседержителя, как в фундаментальном

аспекте в выстраивании отношений с Ним. О том, что для познания Бога, человек не нуждается в Его физическом проявлении, сказано и во Втор.4:15: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня». Нельзя не заметить, что таких два слагаемых, как: слова Бога и Его дела (огонь) составляли идеологический «портрет» Бога. Подобные, превентивные меры, служили препятствием к распространению языческой традиции, тяготеющей к визуализации своих представлений о существах, населяющих потусторонний мир. Иисус в Иоан.14:9-10 вновь подтвердил значимость этих условий для истинного понимания Бога. Через служение Спасителя, участие Отца и проявления Духа не только ученики, но и все человечество, соприкоснулось с сущностью Бога.

Отрицание, содержащееся в этом тексте: «Бога никто никогда не видел», подчеркивает, что фундаментальная тема Евангелия – это откровение о Боге, т.е. содержание, а не создание необходимых условий для Его физического проявления в этом мире. Джуан Матеос и Джуан Баррето в своем комментарии отмечают: «Нам необходимо разучиться всему тому, что было известно о Боге, чтобы научиться у Иисуса... Его личность и Его деятельность являются объяснением; Его учение не теоретическое, а экзистенциальное. Любая идея о Боге, которая не выдерживает критики в сопоставлении с Иисусом, априори человеческая и лишена какой-либо ценности» (J. Mateos, J. Barreto, *Il Vangelo di Giovanni. Analisi linguistica e commento esegetico*, 73-74).

Подведем итог

Между опытами созерцания Бога в Ветхом завете и негативным утверждением в первой части Иоан.1:18, нет противоречия, так как греческая версия второй части текста, говорит о том, что Единородный Бог Сын, пришел в этот мир не для того, чтобы помочь Богу-Отцу визуально проявиться в нем. Наоборот, цель Его воплощения заключалась в разъяснении особенностей отношений между тремя личностями Божества. Из чего можно заключить, что под словом «Бог» в первой части этого текста, подразумевается

не только Бог Отец, но Бог Сын и Бог Дух Святой. Если же допустить мысль о том, что речь идет только об Отце, то в таком случае Христос и Дух Святой оттесняются на задний план и смещение акцента в сторону Бога Отца, неизбежно. Мы считаем такое толкование ошибочным.

Я думаю, что ответ на вопрос, вынесенный в названии статьи, получен.

Автор – Владимир Лукин, доктор богословия